

УДК 821.222.1+924

Сухоруков Алексей Николаевич, старший преподаватель кафедры восточной филологии, Таврическая академия (с.п.), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Россия

e-mail: sankafd2004@gmail.com

ИРАНСКИЕ МОТИВЫ В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ ПРИ ПУТЕШЕСТВИИ ПО КРЫМУ*

Аннотация. В данной статье производится анализ путевых заметок турецкого путешественника Эвлия Челеби, посетившего Крым в 1666-1667 гг. и оставившего богатый ценными деталями травелог. Основной акцент в статье делается на выявлении межкультурных исторических связей между Крымом и Ираном, подтверждается культурная близость Крымского ханства к региону Ближнего и Среднего Востока.

Ключевые слова: Эвлия Челеби, Книга путешествия, Крым, Крымское ханство

Sukhorukov Alexey Nikolaevich, Senior Lecturer at the Department of Oriental Philology, Faculty of the Crimean Tatar and Oriental Philology, Tavricheskaya Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

e-mail: sankafd2004@gmail.com

IRANIAN MOTIVES IN TRAVEL NOTES OF EVLIYA ÇELEBI WHEN TRAVELING IN CRIMEA

Annotation. This article discusses the travel notes of the Turkish traveler Evliya

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 19-011-00030/20

Çelebi, who visited Crimea in 1666-1667. and who left a travelogue rich in valuable details. The main emphasis in the article is on the identification of intercultural historical ties between the Crimea and Iran, the cultural proximity of the Crimean Khanate to the region of the Near and Middle East is confirmed.

Keywords: Evliya Çelebi, Travel book, Crimea, Crimean Khanate, Seyahatname.

Одним из ценных источников по истории Крыма XVII столетия являются путевые заметки турецкого путешественника Эвлия Челеби. Почти сорок лет он провёл в странствиях по Османской Турции и сопредельных странах, изложив впоследствии свои воспоминания в 10-и томах «Сейяхатнаме» («Книги путешествия»). Сведения о пребывании Э. Челеби в Крыму находятся во 2, 7, 8 и, частично, в 10-м томах его «Книги путешествия». В русском переводе некоторые сведения о пребывании Э.Челеби в Крыму были опубликованы в 1961 году в специальном выпуске, посвящённом землям Молдавии и Украины [7]. Относительно полный перевод всех мест, связанных с Крымом, был осуществлён группой польских востоковедов во главе с З. Абрахамовичем в 1969 году [6, с. 185]. Вскоре было сделано несколько переводов этого издания на русский язык (В. Ю. Рудковским – хранится в библиотеке им. Франко в Симферополе; Г. М. Буровым – находится в библиотеке Крымского федерального университета) [7, с. 3]. В 1996 году был опубликован полный перевод М. Б. Кизилова с предисловием А. Г. Герцена. Однако наиболее полным и выверенным переводом записок Э. Челеби о Крыме, по нашему мнению, можно считать труд Е. В. Бахревского, выполненный со стамбульского издания 1928 года и сверенный по копии рукописи списка “син” из библиотеки дворца Топ-капы. Первое издание перевода Бахревского было опубликовано в 1999 году, второе, дополненное и уточнённое - в 2008 году [5]. Именно это последнее издание и было принято в качестве основного при разработке нашей темы.

Прежде всего, кратко остановимся на личности самого Эвлия Челеби.

Родился он в знатной семье в Стамбуле в 1611 году, получил хорошее образование, владел арабским, персидским и турецким языками, был знаком с греческим (древним и современным), сирийским и татарским, изучал историю и географию. По словам самого Эвлии Челеби, ему были известны также литературное мастерство и правила арабо-персидской и турецкой поэтики [3, с. 7].

Эвлия Челеби, по меньшей мере, трижды посетил Крым. Первый раз ещё в 1641 году, возвращаясь в Стамбул после неудачной для Турции осады Азова. Тогда его знакомство с Крымом ограничилось кратким посещением Бахчисарая и Балаклавы. События этого периода отражены во 2-м томе стамбульского издания, на русском языке опубликованы в переводе с польского [6, с. 12-26]. Следующий раз Э. Челеби удалось хорошо ознакомиться со всем Крымом, посетить его крупные города и исторические достопримечательности. Путевые заметки этого периода (с конца 1665 года по апрель 1666) вошли в 7-й том, они представляют наибольший интерес, очень информативны и богаты деталями. Эвлия Челеби долгое время пользовался гостеприимством крымского хана Мехмед IV Герая, впоследствии стал свидетелем его смещения и сопровождал по дороге из Крыма во владения правителя Дагестана, куда не распространялась власть турецкого султана. Вскоре, если верить Э. Челеби, а некоторые сомневаются в истинности этого утверждения [6, с. 221], он опять оказался в Крыму. 27 мая 1666 года в порту города Кафа ему, якобы, довелось присутствовать на встрече назначенного из Стамбула нового крымского хана - Адиль Герая, после чего Э. Челеби, по его словам, познакомил османского ставленника со специфической ситуацией в Крыму и помог на первых порах сгладить то негативное отношение к новому хану, с которым встретила его большая часть населения полуострова. В Крыму Э. Челеби находился до 23 рамазана 1077 г. по хиджре (19.03.1667 г.), когда, сопровождая кефинско-азовского османского каймакама (наместника), отправился в Стамбул.

В 10-томном собрании сочинений Эвлии Челеби имеется также несколько эпизодов, в которых говорится о его пребывании на территории Ирана, точнее –

государства Сефевидов, границы которого распространялись далеко за пределы современного Ирана. Первый раз Э. Челеби оказался там в 1647 г. во время поездки по Южному Кавказу и прилегающим территориям. Он посетил крупнейшие города северо-западного Ирана (Ардебиль, Хой, Тебриз) и множество исторических и культурных достопримечательностей в их окрестностях. Город Тебриз вызвал его неподдельный восторг - его описанию посвящено целых 25 страниц. И впоследствии, когда речь заходила об этом городе, Челеби отзывался о нём с теплотой. Например, описывая прекрасные сады в Судаке, он сравнивает их с садами Джихан-шах «в милом сердце Тебризе» [5, с. 158].

Следующий раз Эвлия Челеби оказался в Иране только в 1656 году, направляясь в Багдад с подконтрольной Турции западной части Кавказа в составе дипломатической миссии – тогда он ещё раз проследовал по территории восточной Армении до Тебриза. Через 10 лет, проводив из Крыма в Дагестан оказавшегося в опале крымского хана Мехмед IV Герая (апрель 1666 г.), Эвлия Челеби по Каспийскому морю добрался до Гиляна (Северный Иран), и через некоторое время вновь оказался в Крыму, встречая присланного из Стамбула нового ставленника.

При описании Крыма у Эвлия Челеби нередко фигурируют различные элементы, имеющие прямое отношение к Ирану, такие, например, как географические пункты, исторические личности, мифологические персонажи и другое.

Естественно, что многие элементы, имеющие иранское происхождение, стали достоянием всего мусульманского мира и сферы влияния османской Турции в частности. К ним мы можем отнести следующие часто встречаемые в «Книге путешествия» Э. Челеби понятия: «шах», «шахиншах» и «шахзаде», постоянный двор для путешественников «караван-сарай» и близкое к нему по назначению строение «хан», рынок особо ценных товаров «безестан», получаемый из проса слабоалкогольный напиток «буза», который «очень любит татарский народ» [5, с. 149], места его продажи «буза-хана», производители его

и продавцы, известные в Крыму как «бузаджи», коих только на рынке в Карасу-базаре было «до ста пятидесяти» [5, с. 149]. К этому разряду относятся также мера длины «фарсах», равная 12 тысячам шагов, музыкальные инструменты «саз» и «чанг», и многое другое.

Отдельным крупным блоком стоят наименования должностей в Крымском ханстве и не только, имеющие явное иранское происхождение или персидские словообразующие элементы в своём составе. Это такие должности и звания, как: «сердар» - военачальник; «тюрбедар» - смотритель или охранник при тюрбе; «дефтердар» - чиновник казначейства; «кетхуда» - глава административной единицы, руководитель; «сипахи» - владелец условного жалования, обязанный являться на войну и приводить с собой положенное число воинов; «секбан» - представитель пешего войска, вооружённый огнестрельным оружием; «марзбан» - правитель пограничной области; «бостанджи» - представитель внутренней стражи дворца; «чавуш» - представитель войска, глашатай, ответственный за эскорт правителя, иногда вестник; «чашнегир» (*перс.* «отведывальщик») - слуга, ответственный за доставку блюд в покои хана. И это лишь незначительная часть лексики иранского происхождения, зафиксированная в травелогЕ Э. Челеби при описании Крыма и его достопримечательностей.

Челеби объехал весь Крым и оставил характеристику всех крупных городов и крепостей полуострова. При описании каждого пункта он следовал определённому плану, от которого предпочитал не отходить: сначала давал общие сведения об его местоположении, потом знакомил с историей от самого образования и до последних дней, после чего переходил к описанию структуры города, его достопримечательностей, хозяйственной деятельности населения, обязательно останавливался на особенностях рынка этого города, наличии караван-сарая или ханов, уровне образования (количество медресе и т.п.), особенностях культурной и духовной жизни. При характеристике городов и крепостей полуострова автор нередко прибегал к сравнению или сопоставлению их с другими известными географическими пунктами, в т.ч.

находящимися на территории Ирана.

Так, он неоднократно упоминает «гору Бисутун» - Бехистунскую скалу в провинции Керманшах на западе Ирана. Она известна тем, что на ней, на высоте 105 метров, высечена клинописная надпись эпохи Ахеменидов. Эта надпись имеет около 7 метров в высоту и 22 метров в ширину и является самой большой наскальной надписью в мире. Внимание привлекают также многочисленные рукотворные пещеры и барельефы эпохи древнего Ирана. В те времена мимо Бехистунской скалы проходила дорога, связывающая две столицы – древний Вавилон, покорённый персами, и Экбатану (современный Хамадан). Грандиозные изображения и надписи на, казалось бы, недоступной для человека высоте поражали воображение путников. С этой скалой связано множество легенд, в том числе в распространённом эпосе «Шахнаме». В средние века персидская литература, а вместе с ней и иранские легенды, стали известны по всему мусульманскому Востоку. Поэтому неудивительно, что, например, описывая многоярусные пещеры Инкермана, Челеби говорит, что они «как будто вышли из-под топора Фархада, разрубающего скалы» [5, с. 66], того самого Фархада, который в поэме «Хосров и Ширин» Низами прорубает скалы ради своей любимой.

Эвлия Челеби, продолжая описание крепости Инкерман, указывает, что «Это сильная крепость в форме миндалины, расположенная <...> на горе, подобной горе Бисутун, стремящейся в небо, огромной голой красной скале» [5, с. 61]. Подобное же сравнение он использует и для того, чтобы передать высоту, скал, преграждающих подход к судакской крепости со стороны моря. Он пишет: «...с этой стороны к морю спускаются на триста аршинов голые скалы, подобные горе Бисутун» [5, с. 154]. Эвлия Челеби обращается к горе Бисутун и при описании других крымских достопримечательностей, в т.ч. крепости Мангуп [5, с. 75] и селения Эски Саладжик (район Салачик в современном Бахчисарае), но при этом указывает на иную особенность этой горы, а именно на наличие рукотворных пустот и пещер. Так, описывая расположение Эски Саладжик, сообщает, что этот юрт «представляет собой

широкое ущелье в четыре тысячи шагов с востока на запад, с двух сторон и с обоих концов которого скалы, вершины которых касаются небес. Подножия всех скал подобны горе Бисутун — пустые и испещрённые пещерами, а сверху это — красные скалы, на которых гнездятся соколы и совы» [5, с. 86].

Если все высокие скалы Эвлия Челеби сравнивал с Бехистунской горой в Иране, то неприступные крепости у него прочно ассоциировались с крепостью Кахкаха (قهقهه). Её название можно перевести как «насмешка [над бессилием противника]». Эта неприступная цитадель и сегодня стоит на северо-западе Ирана в районе Мешгиншахр провинции Ардебиль, в 2002 году она была внесена в Список национального наследия Ирана. Крепость Кахкаха на триста метров возвышается над всеми прилегающими территориями, а на её вершине в прошлом был возведён целый комплекс сооружений, что позволяло гарнизону выдержать длительную осаду.

До переноса столицы Ирана из Казвина в Исфахан крепость Кахкаха, ввиду её защищённости и близости к Казвину, служила местом хранения государственной казны. Однако наибольшую известность Кахкаха приобрела благодаря тому, что с середины XVI до начала XVII веков в ней содержались заключённые из числа представителей высшего сословия — впавшие в немилость представители шахской семьи, бывшие правители отдельных областей Ирана и ценные вражеские пленники. Шах Тахмасп I (правил в 1524-1576 гг.) отправил в крепость Кахкаха на вечное заключение своих братьев — Сам-Мирзу и Алгас-Мирзу, обвинённых в измене. Вскоре в заточении оказался и честлюбивый шахский сын Исмаил — будущий правитель Ирана Исмаил II; покинул стены крепости он лишь после смерти отца через неполных 20 лет. Закончили там свои дни бывший правитель Гиляна Ахмад Гиляни, правитель Азербайджана Амир-хан Торкаман и многие другие [9, с. 5]. До начала XVII века эта крепость становилась также местом заключения большинства крупных османских военачальников, пленённых в ходе войн между Сефевидским Ираном и Османской Турцией. Весной 1581 года незначительное время провёл в ней и крымский принц Газы Герай, будущий хан Газы II Герай, прежде, чем

был доставлен в крепость Аламут. В некоторых источниках, в том числе в «Маджма' ал-фусаха» (Собрание красноречивых) Риза Кули-хана Хедаята, говорится, что Газы Герай все восемь лет пленения провёл в крепости Кахкаха [8, с. 41].

Эвлия Челеби, посетив крепость Мангуп-кале в Крыму, был поражён её формой и неприступностью. В своём «Сейяхатнаме» он посвятил ей целую главу, в названии которой отразил своё к ней отношение, сравнив крепость на Мангупе с Кахкаха в Персии. Глава называется «Описание крепости Мангуп - Кахкаха Крымской страны». Среди прочего, турецкий путешественник пишет: «Внутри и снаружи этой крепости есть много тысяч пещер. Увидевший их поразится и приложит палец к устам. Все дорогие товары народа крымского хранятся в пещерах этой крепости Мангуп. Потому что эту крепость нельзя сравнить ни с одной крепостью в заселённой четверти» [5, с. 80]. После ознакомления с её видом и краткого исторического экскурса, Э.Челеби подводит итог: «Историки Чингизидов называют эту крепость Кахкаха Крыма. Да хранит её Бог в спокойствии! Потому что эта крепость есть творение Руки Могуущественной. Кто её не видел, пусть не говорит, что он видел [настоящую] крепость в мире» [5, с. 80].

Ещё раз упоминание Кахкаха Сефевидского Ирана в путевых заметках Э. Челеби можно встретить при описании главной Судакской крепости. Автор в свойственной ему манере, перемежая точные данные и художественные формы, пишет: «Эта крепость расположена на тянущей вершину к небу до Млечного Пути высокой горе, созданной в виде горки плова, на берегу Чёрного моря. Эта высокая и прочная, мощная четырёхугольная крепость находится на голубой скале и достойна почтения, и жители её пользуются высоким почётом, потому что они владеют цитаделью, подобной высокой [крепости] Кахкаха. Однако внутри неё совсем нет домов и строений» [5, с. 153]. Поразила Челеби и мощная нижняя судакская крепость с крепкими каменными стенами, хотя и старыми, построенными в один ряд, но усиленные двадцатью четырьмя башнями, напомнившими ему башни крепости Кахкаха [5, с. 154].

При описании особенно прекрасных мест крымской земли, где ханы и их приближённые находили успокоение среди дворцов и садов с протекающими по ним ручьями, Э. Челеби обращается к сравнению их с другим легендарным иранским архитектурным комплексом – дворцом Хавернак (خَوَرْنَق), построенным в 417 году для шахиншахов Сасанидского Ирана в городе Хира вблизи их столицы города Ктесифон. После завоевания Ирана арабами дворец служил резиденцией аббасидских халифов и был известен как одно из чудес света. Дворцовый комплекс располагался на островке, образованном двумя рукавами реки, был окружён прекрасным садом с поющими птицами и журчащими ручьями, а в самом дворце при ещё Сасанидах были собраны лучшие образцы искусства.

Дворец Хавернак, может быть, и был бы затерян на страницах истории, если бы не стал центральным местом в развитии сюжета бессмертного произведения Низами «Семь красавиц» (1197 г.). Эта поэма написана на персидском языке изящным стихотворным размером хафиф и представляет собой сочетание сказочно-приключенческого и философско-суфийского жанров. Творчество Низами быстро распространилось не только по Востоку, но и Западу. Луи Арагон писал: «По сюжетам Низами создано больше подражаний, чем поэм, написанных на латыни и греческом [1, с. 8]. Стоит отметить лишь, что история, рассказанная во дворце Хавернак сакалибской (славянской) принцессой, является прототипом распространённой на Западе легенды о жестокой принцессе Турандот («Туран-до(х)т» - *перс.* «туранская дочь»).

«Дворцами-хавернаками» Эвлия Челеби называет места отдыха крымского хана в Судак [5, с. 158]. Более многословен он в описании «райского сада Ашлама» вблизи ханского дворца в Бахчисарае. Челеби пишет: «Это такой прекрасный сад, в котором, как в райском саду — розовом цветнике — из конца в конец протекает журчащая вода, задерживается у дворцов, которые расположены по углам сада. [Во дворцах] влюблённые, оставшись наедине, слушают напевы соловьёв. Вода и воздух там так прекрасны, что если кто-нибудь погуляет там хоть один час, он забудет горе

и печали и пребудет в радости. Каждый из высокочтимых ханов в различных частях сада построил разнообразные позолоченные и расписные превосходные дворцы и павильоны, беседки, как будто сделанные из китайского фарфора. И есть там различные бассейны, фонтаны и дворцы, подобные Хавернаку, такие, что если на них посмотрит обладатель познаний в архитектуре, он приложит палец к устам, и ум его поразится» [5, с. 88].

В другом месте Челеби опять возвращается в воспоминаниях к саду Ашлама и восклицает: «Поистине, этот дворец-хавернак — один из высочайших в мире. Оттуда видны крыши, сады и виноградники, дымящиеся трубы каждого дома. Вот сколь высоко располагается это место осмотра. Текут разные речки, застроенные дворцами, кухнями и бесчисленными строениями, засаженные деревьями с только что распустившимися цветами. Это место прогулок с садами и виноградниками, которое может послужить образцом [для подражания]» [5, с. 110]. К настоящему времени от этого сада ничего уже не сохранилось, кроме разрушенного текие вращающихся дервишей, построенного при могиле, если верить легенде, Газы Мансура, одного из сподвижника пророка ислама.

Также мало осталось от другого загородного дворца Мухаммед Герай-хана, поразившего красотой и изяществом турецкого путешественника. Оказавшись ненадолго в селении Сюрэн (سويرن – *суйрен*), ныне Танковое, Э. Челеби следующим образом описывает его: «Это деревня на берегу реки Казаклы-озен, подобная саду желаний. В ней есть большой дворец Мухаммед Герай-хана, подобный дворцу Хавернаку, позолоченные покои, каждый из которых подобен расписному храму китайских идолопоклонников. Если мы будем подробно описывать этот сад, пристанище удовольствий, то выйдет длинное повествование. Да благословит Бог его хозяина! Согласно этой молитве я сложил стихотворение и записал его на стене:

Да благословит Бог твоего хозяина,

Да продлит Господь его жизнь навек!

Мы гостили там одну ночь. В беседках на берегу текущих вод этого сада

— розового цветника — мы слушали грустные мелодии напевов [соловьёв]» [5, с. 81].

В 1936 году в ходе земельных работ вблизи старинного татарского фонтана были обнаружены остатки двух больших каменных стен, сложенных из каменных блоков размером 60 x 50 x 40 см. [2, с. 54-55]. Старожилы подтвердили, что «здесь когда-то был загородный ханский дворец» [2, с. 55]. Ничего, кроме фонтана, больше не напоминает о чудесном саде-дворце. Остатки каменных стен и гончарный трубопровод от фонтана к бывшей мечети теперь скрыты под слоем асфальта.

Небольшую главу, посвящённую кратковременному пребыванию в этом загородном дворце Мехмед Герай-хана, Э. Челеби назвал «Стоянка селение Сюрен, сад Ирем (باغ ارم)» по аналогии с садом «Эрам» в Ширазе, воспетом средневековыми персидскими поэтами. Остаётся неизвестным – наименование «Сад Ирем» уже было закреплено за этим дворцом или было предложено самим Эвлия Челеби?

Всего нами выявлено немногим более двадцати географических пунктов на территории исторического Ирана, упомянутых по тому или иному поводу Э.Челеби в путевых заметках по Крыму. Помимо указанных ранее, отметим также следующие:

- горы Эльбурз (не путать с кавказским Эльбрусом);

- Махан - район на востоке Ирана, в провинции Керман, упомянут 6 раз, в т.ч.: «Наш татарский народ сначала, в эпоху святого пророка Дауда, мир ему, находился в странах Хатае и Хотане, и в Чине. Размножившись, мы вышли из той страны и расположились в области Махан в Мавераннахре» [5, с. 230].

- Лурестан – провинция на западе Ирана, в которой «славятся казаны» из крымского селения Чуюнчи, расположенного около Чатыр-дага [5, с. 239];

- Хорасан – обширная область на северо-востоке Ирана, часто упоминаемая у Э.Челеби, в т.ч.: «В этом городе [Эски-Кырым] похоронено много сот тысяч великих и прекрасных святых из Хорасана, Балха и Крыма, числу их нет границ и пределов» [5, с. 170];

- Нехавенд – город на западе Ирана, в провинции Хамадан. Примечательно, что Э.Челеби даёт написание этого города, в том числе, и в форме, позволяющей раскрыть его этимологию – «Нух-Аванд» (*перс.* «поставленный Ноем»).

Стремление Э.Челеби проникнуть в значение наименований городов и селений отчётливо прослеживается на всех страницах его путевых заметок. Однако сведения о происхождении названий, предоставляемые Челеби, не всегда можно расценивать как достоверные, хотя бы потому, что они иногда противоречат друг другу. Так, например, говоря о турецком городе Трабзон в одном месте он указывает на его первоначальную форму как «Тарб-Афзун» (*перс., букв.* «радость увеличивающий», т.е. «радующий») [5, с. 115], но в другом месте этимологизирует как «Тараб-е зан» (*перс., букв.* «радость женщины») и сам же поясняет: «потому что в то время правительницей города была женщина — любительница наслаждений» [4, с. 21]. И в первом, и во втором случае Челеби считает, что ключ к пониманию этимологии города Трабзон следует искать в персидском языке.

Влияние персидской литературы на Челеби заметно также и по упоминаемым им иранским историческим деятелям, с которыми он иногда сравнивает крымского хана и членов его семьи. Эти иранские деятели, при всех их заслугах, прежде всего, являются персонажами популярных литературных произведений. Так, желая передать мирную, наполненную радостью обстановку в кругу близких друзей, Челеби говорит о времяпровождении, сравнимом лишь с собраниями времён Хусейна Байкары, правителя Хорасана (1469 — 1506). При его дворе творили поэты Джами и Навои, а также художник, мастер миниатюры Бехзад. Челеби пишет: «... Дни и ночи мы проводили в душевных беседах, как в счастливое царствование Хусейна Байкара» [5, с. 201]; «Начиная с первого дня священного Рамазана, происходили [ночные] пиршества, подобные тем, что устраивал Хусейн Байкара» [5, с. 229]; «[Когда они] исполняют сцены, подобные сценам собраний времён Хусейна Байкары, собравшиеся прикладывают палец к устам, приходят в изумление и

поражаются» [5, с. 118]; «Мы проводили эти долгие зимние ночи в собраниях, подобных собраниям Хусейна Байкары» [5, с. 119] и т. д.

Желая подчеркнуть щедрость Селим Герая, Челеби сравнивает его с Джафаром Бармакидом, – персом-визирем аббасидского халифа, героем сказок «Тысячи и одной ночи», а сасанидского шахиншаха Хормуза (Хормузда IV), одного из персонажей «Шахнаме», он, следуя закрепившемуся за этим правителем эпитету из поэмы Фирдоуси, называет не иначе, как «венценосец Хормуз».

Поэма «Шахнаме» Фирдоуси оказала влияние на все страны Среднего Востока и долгое время рассматривалась как повествование о реальных исторических событиях. Потому Челеби, получивший прекрасное образование, в своём «Сеяхатнаме» для большей образности нередко упоминает таких мифических (а для него вполне исторических) персонажей, как древнеиранские цари Джам или Джемшид (в т.ч. «джемшидовы зурны»), Кей-Кавус (Кейкавусова кухня), Исфандияр (в т.ч. «трубы Исфандияра») и Хушанг, седовласого богатыря Заля и правителя Турана богатыря Афросияба (в т.ч. «афрасиябовы трубы» и «афросиябовы гробницы»). За каждым из этих имён стоит богатая событиями история, облечённая в изящную художественную форму, но недоступная для постороннего.

Вывод. Путевые заметки турецкого путешественника Эвлия Челеби, посетившего Крым в 1666-1667 гг., представляют собой ценный источник по истории культурной жизни в Крымском ханстве в XVII столетии и наглядно подтверждают наличие устойчивых культурных связей Крымского ханства с регионом Ближнего и Среднего Востока, в т.ч. с историческим Ираном.

Список источников:

1. Алиев Г.Ю. Темы и сюжеты Низами в литературах народов Востока. – М.: Н., 1985. – 332 с.
2. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том II. Бахчисарайский район. – Симферополь: ООО ФОРМА, 2016.– 184 с.:

илл.

3. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. – Вып. 1: Земли Молдавии и Украины / Отв. ред. А. С. Тверитинова; Составитель А. Д. Желтяков. Институт народов Азии. – М., 1961. – 340 с.

4. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. - М.: Наука, 1983. – 241 с.

5. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). — Изд. 2-е, исправленное и дополненное. — Симферополь: ДОЛЯ, 2008. — 272 с., ил.

6. Эвлия Челеби. Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667 гг.). – Симферополь: Таврия, 1996. – 240 с.: ил.

7. Księga podróży Ewliji Czelebiego: (wybór). – Warszawa: Książka i Wiedza, 1969. - 480 s.

8. هدایت، رضاقلی خان. - مجمع الفصحاء، جلد اول. - به کوشش مظاهر مصفا. تهران: انتشارات

امیرکبیر، ۱۳۸۲.

9. میرجعفری، حسین. قلعه قهقهه و اهمیت آن در عصر صفویه. - مجله: دانشکده ادبیات و علوم

انسانی (دانشگاه اصفهان)، پاییز و زمستان 1378 - شماره 18 و 19. - صص. ۱-۱۸